В ночь на свой седьмой день рождения Сакуру похитили.

Ее братом.

«Рен?» — прошептала она, как только он снял кляп, который надел на нее.

«Эй, Сакура».

"Что происходит?"

«Тебе семь», — сказал он. «Пришло время тебе начать изучать методы Яманаки».

«Я думал, техникам не обучают, пока ты не достигнешь генинов?» Она спросила. Она огляделась — комната была довольно простой, всего два стула и стол, окон не было.

«Техники, конечно, но мы говорим не об этом», — сказал Рен. «Мы говорим о методах. На самом деле, ты должен был узнать об этом много лет назад, но Каа-сан и Тоу-сан хотели дождаться традиционного возраста, чтобы начать тебя».

— Рен, я понятия не имею, что происходит.

«И в этом-то и проблема. В вашем возрасте вы должны гораздо лучше наблюдать и делать выводы. Вместо этого вы предпочитаете, чтобы люди объясняли вам вещи, а это терпеть не может», - сказал он. Он стоял. «Располагайся поудобнее, сестренка, ты не уедешь надолго».

"Школа?" Она пробормотала.

«Ваши учителя знают, что вы пропустите остаток четвертого класса. Пятый год вы начнете вместе со всеми остальными — при условии, что вы будете работать достаточно быстро».

Сакура поморщилась. Это был всего лишь май; если бы ее держали здесь до начала нового учебного года...

Рен, который вышел из комнаты, когда Сакура начала готовиться к тому, как долго она пробудет в комнате, вернулся с чайником, набором для приготовления чая и несколькими листьями.

«Во-первых: устойчивость к яду. Это будет самая легкая часть», — сказал он. Он поставил чайник и начал готовить одно из растений к завариванию. «Я полагаю, что мы примем около четырех небольших доз, прежде чем тебе станет слишком плохо, чтобы продолжать. Затем, в зависимости от того, как ты себя чувствуешь завтра, мы посмотрим еще одну или две дозы».

Они молча ждали, пока будет готов чай. Рен налил, Сакура взяла чашку и выпила.

И тут же выплюнул. "Что это?"

«Бесполезно говорить тебе сейчас — ты будешь слишком болен, чтобы вспоминать. Мы рассмотрим яды и твои симптомы — а также симптомы других — когда станет ясно, что ты можешь сосредоточиться даже во время болезни. А теперь выпей еще глоток. и проглотить».

Сакура так и сделала, протолкнув его в горло достаточно быстро, чтобы его прогорклый вкус не заставил ее снова сплюнуть.

Ей потребовалось менее пяти минут, чтобы начать потеть, падать на пол и дрожать всем телом.

Рен готовил к употреблению новое растение. По крайней мере, ей казалось, что она узнала этого, хотя ее глаза отказывались концентрироваться на чем-либо в ее состоянии. «Что… что…»

— Не волнуйся, — успокаивающе сказал ее брат. «Это всего лишь противоядие. Ну нет, это ложь. То, что я тебе дал, не имеет противоядия. Это всего лишь небольшая штука, которая вызовет у тебя рвоту, чтобы не повредить твое тело навсегда».

Потребовалось более двух месяцев, чтобы полностью просмотреть его набор растений, закончить рвоту, обмороки, рвоту, судороги и испытать все остальные побочные эффекты, которые могла предложить его коллекция.

Однако ко второй неделе ей предстояло заняться другими делами, пока растения отравляли ее организм.

Рен позволил ей облегчить задачу, сначала изучив сами яды — как сделать их более или менее сильными, как получить их ингредиенты (потому что, хотя некоторые из них были простыми, другие были совсем не такими), как скрыть их вкус, как игнорировать некоторые из их побочных эффектов, направленных против них вашей чакрой, и способы их лечения. Хотя знание о побочных эффектах перед тем, как выпить, прикоснуться к яду или вдохнуть его, усложняло задачу, Рен был прав — по сравнению с тем, что произошло позже, это было проще простого.

К сожалению, это время слишком быстро закончилось.

«Хорошо, я дам тебе листок бумаги со словом», — сказал он. «Несмотря ни на что, ты не можешь говорить мне это слово».

Он ждал, наблюдая, как она запоминает слово перед собой, прежде чем взять лист бумаги обратно и сжечь его быстрым дзюцу. Однако, пока глаза Сакуры все еще были прикованы к огню, его кулак ткнул прямо ей в нос. Она вздрогнула, зажмурилась, но ожидаемого удара не последовало, и вместо этого она открыла глаза на разглагольствования брата.

«Нет! Разве ты не понимаешь, насколько опасным было твое вздрагивание? Ты мог бы нырнуть, увернуться, лучше следить за своим окружением… но не волнуйся: к тому времени, как я закончу, ты — сможешь — —контролировать —ВСЕ —ваши —реакции».

С каждой паузой кулак тыкал вперед, кто-то попадал в нее, кто-то нет.

Так началась ее «практика допросов».

Среди одноклассников Сакуры существовало заблуждение, что пытки заключаются в том, чтобы научиться терпеть физическое насилие. И хотя начало ее пыток определенно было именно таким, это определенно было еще не все.

«Все в порядке, все в порядке», — сказала Рен с третьей попытки, после того как ей, наконец, удалось успешно справиться с тем, что он в нее швырнул, а также с ядами, не говоря ни слова. «Все кончено, все кончено. Теперь ты можешь сказать мне».

Измученная и только очнувшись от беспамятства, она даже не подумала, просто произнесла так же легко, как дыхание: «змея». Она больше не совершала этой ошибки. Когда Рен сказал ей никогда не говорить ему этого слова, он имел в виду именно это.

Однако со временем она становилась лучше — она никогда не совершала одну и ту же ошибку дважды и обычно предугадывала трюки Рена прежде, чем он успевал их выполнить.

Это не сделало ситуацию легче.

Она только что закончила обучение по сопротивлению ядам — некоторые из них придется повторять каждый год и добавлять новые, но, по крайней мере, ей было от чего защищаться от наиболее распространенных. Она также закончила их все запоминать и стала больше обращать внимание во время сеансов пыток: хотя она уже узнала о многих методах на своих обычных уроках Яманаки, одно дело - знать их абстрактно и достаточно подробно. другой, чтобы испытать их лично.

Мало того, зачастую объяснялся только один аспект пыток — Академия, например, могла провести день, обсуждая важную победу и то, что это стало частично возможным благодаря информации, полученной T&I. Затем Сакура шла домой и узнавала, что на самом деле именно ее пра-пра-кто-то допросил информацию у подозреваемого, и как они это сделали. В этом случае она только научится использовать эту технику, а не защищаться от нее. Теперь Рен позаботился о том, чтобы она знала и то, и другое. К настоящему времени она чувствовала себя достаточно уверенной в своей способности противостоять и использовать то, чему ее научили, а также в том, как определить, была ли предоставленная ей информация фальшивой и работает ли игра разума.

В награду Рен дал ей выходной, поэтому она сидела, свернувшись калачиком, в углу, глубоко задумавшись.

Она не ненавидела своего старшего брата. Она знала, что Арден это сделал бы, это было ясно, но она… не знала.

Арден выросла в мире, где дети-солдаты были объектом глобального возмущения, где войны были редкостью, а шпионы в историях встречались гораздо чаще, чем в реальной жизни. Арден выросла, зная , зная , что завтра все и все, кого она знала, будут в порядке.

Сакура выросла не в этом мире. Так вот, в ее мире было нормально, что ее брат избил свою семилетнюю сестру до того, что она не просыпалась четыре дня, потому что лучше, если бы это был он, чем враг. Сакура выросла в мире, где заболеть, проглотив, вдыхая или прикасаясь к вещам, которые, как вы знали, причинят вам боль, имело смысл, потому что это означало, что в следующий раз они причинят меньше боли.

Значит, Сакура не ненавидела своего брата. В данный момент он ей тоже не особенно нравился, но она чувствовала, что имеет на это полное право.

Рен открыл дверь, неся миску простого неароматизированного риса и имбирного чая.

"Обед!" Сказал он, ухмыляясь. Сакура поморщилась, но все равно села.

«Сколько еще?» Она спросила.

Он ухмыльнулся. «Раньше, чем ты думаешь. Честно говоря, ты довольно хорошо со всем миришься, даже если твоя естественная конституция не так уж хороша».

"То, что осталось?"

«К сожалению, немного больше практики допросов», - сказал он. «Но после этого мы

собираемся полностью сосредоточиться на восприятии — научить вас быстрее распознавать выражения лица, понимать, что они означают в контексте, интерпретировать выбор слов и так далее».

- Хорошо, - вздохнула Сакура.

Верный своему слову, Рен отпустил ее за неделю до начала следующего семестра — пятого курса Сакуры.

Группа Training Ground Forty была очень рада ее видеть.

«Тебя так долго не было!» Сатико заскулила. «Остальные Чинмоку сказали не волноваться, это просто то, что Яманака сделал в семь, но всё же!»

«С возвращением», — улыбнулась Айко.

«Было ли ваше обучение успешным?» — спросил Бокусо.

"Ага!" Она сказала.

«Я рад. Абураме завершают свое полноценное обучение в пять».

"Это нормально?" — спросил Ясуо.

«Большинство кланов так делают», — сказал Шин. «Нара нет, официально, но обычно для этой цели каждый год используются зимние каникулы. Акимичи тоже, в перерыве между сдачей экзамена на генинов и началом тренировок. Айко, когда Утатане?»

«Семь, как Яманака», — сказала Айко. «Итак, я сделал свое в прошлом году, но мы должны сказать, что мы больны — помнишь ноябрь?»

Группа кивнула. Она исчезла чуть больше чем на две недели, а затем вернулась с жалобами на грипп, несмотря на отсутствие каких-либо остаточных симптомов, объясняющих ее долгое отсутствие.

«Да, это основное. У нас также есть дополнительные тренировки, которые начинаются вечером в первую пятницу каждого месяца».

«В чем разница между этой тренировкой и обычной тренировкой, которую вы все делаете?» — спросил Ясуо.

«Это более… интенсивно», — проворчал Джуро.

«Нас обучают, — объяснил Бокусо, — вообще говоря, тому, как преуспеть в тех навыках, которыми известны наши кланы — например, в экологических исследованиях в моем — хотя это также происходит тогда, когда выполняются дела, требующие времени на восстановление. Мой клан впрыскивает яд. например, чтобы развить сопротивление».

«А моя сосредоточена на яде», — сказала Сакура.

Сатико и Ясуо поморщились. «Мы должны это сделать?» Она спросила.

«Почему нам не дали шанс сделать это?» Он спросил.

Айко отмахнулась от их опасений. «Так и сделаешь! Во всяком случае, обычно это делается, когда ты чунин. Просто кланы обычно хотят делать это сами, потому что, ну, знаешь, семья».

Сакуре наскучил этот разговор. — Что вы все делали, пока меня не было? Она спросила.

Джуро ухмыльнулся, а затем начал рассказывать ей о том, что ему дали должность волонтера в больнице — он ничем медицинским не занимался, в основном был просто сусликом для всех, но, по крайней мере, он был там. Затем Шин пошел и рассказал ей о том, как один из дядей его троюродного брата предложил помочь ему опубликовать один из его рассказов под псевдонимом, но только после того, как ему удалось довести свое гендзюцу до такой степени, что он мог бы разыграть его. сцена из его рассказов.

Айко решила следовать своей семейной традиции и стремиться стать Хокаге или Министерством юстиции, и начала пытаться добиться этого, в то время как Сатико успешно полностью избавилась от своего заикания, даже находясь под воздействием слабого гендзюцу (ее заикание ей всегда было хуже, пока она боялась, но обширная практика положила этому конец.) Бокусо действовал как суслик для своей бабушки, которая изобретала еду для быстрого роста популяции улья, а Ясуо экспериментировал с любым оружием, которое он мог получить. руки, пытаясь выяснить, что лучше всего подходит для него — в настоящее время его больше всего тянуло к чему-либо ближнему бою.

Все они продолжали работать над своим «Списком реформ».

"Ой!" Сказала Айко, когда они завершили свои объяснения. «И я присоединяюсь к твоему классу — они снова перетасовали классы, так что теперь есть два класса по пятьдесят человек, и я в твоем, а Сатико и Бокусо — нет».

Сакура нахмурилась. «Почему они перетасовали все классы?» Она спросила.

— Не знаю, — сказал Джуро. «Это не то, чтобы они это объяснили».

«Возможно, — сказал Бокусо, — они пытаются начать объединять нас в пары с теми, кого они ожидают видеть в нашей команде генинов, или, по крайней мере, поместить нас в один класс. Я, например, стремлюсь к T&I, и меня перевели в один класс с Ичиро Утатане и Нио Яманакой, оба из которых имеют схожие склонности, но у них еще нет партнеров-генинов».

«Я согласна», сказала Айко. «Я не знаю, что касается Сатико, потому что она сирота, но я уже знаю, что буду в паре с одним из Учих и Сарутоби со странной челкой. Мы все трое стремимся к администрированию и политике, так что это делает смысл."

«Шин, Джуро и я не стремимся к одним и тем же местам», — сказала Сакура.

«Конечно, но ты еще Ино-Шика-Чо. Все знают, что вы хорошо работаете вместе», — сказал Ясуо. «Держу пари, что другие команды используют цели Чуунина как объединяющее сходство».

«И вообще, — добавила Айко, — Джуро хочет заняться медициной, а они никогда не нанимают в команду более одного медика».

Сакура улыбнулась. «Знаешь, на самом деле у нас есть довольно хорошее сочетание целей чуунинов, и они никогда не мешали нам ладить. Я имею в виду, Ясуо собирается быть бойцом на передовой, я хочу быть исследователем, Шин интересуется саботажем или T&I. и Джуро уже работает в медицине, ты собираешься начать с должности инструктора Академии или

секретаря суда, а T&I Бокусо. Сатико…

«Криптология».

«…что означает, что единственная основная карьера, которую нам не хватает, — это отслеживание, я думаю».

«Черт возьми, мы потрясающие», — ухмыльнулся Ясуо.

«Ну, так и есть», — чопорно сказала Айко. «Каждый выбирает линию фронта, и это делает тебя обычным».

"Привет!" Он огрызнулся. «Как будто каждый Утатан не выбирает инструктора Академии!»

Сатико закатила глаза. «Никто из нас не выбирал цели потому, что кто-то от нас этого ожидал», — сказала она. «Вот что важно».

Бокусо держал перед своим глазом двухдюймового жука, появившегося из ниоткуда. «И вообще, мы еще довольно молоды. У нас есть вечность, чтобы решить».

Жук вскочил и улетел, и Бокусо немедленно начал преследовать его, выбивая при этом группу из круга, в котором они сидели. "Вернись!" Он крикнул. «Я еще не закончил тебя изучать!»

— Ты действительно думаешь, что у нас будет время, чтобы принять решение? — спросила Сакура Шина.

«Конечно», сказал он. "Почему нет?"

http://tl.rulate.ru/book/96215/3291320